

Вспоминает священник Георгий-Христофор ФРИДМАН

Осенью 1974 года Бог привел меня к сестрам-доминиканкам восточного обряда, жившим тогда в Вильнюсе. Произошло это так. С легкой руки и по благословию отца Альгирдаса Моцюса, героического священника, отсидевшего за Христа два раза по 8 лет, я разыскивал греко-католического епископа для рукоположения во священники. В те времена дело это было весьма трудным, так как Греко-Католическая Церковь в Советском Союзе находилась в глубоком подполье. Сначала нужно было найти хотя бы греко-католического священника, который, как мне сказали, жил в Вильнюсе. Мне повезло. После нескольких попыток узнать его адрес у местных священников я напал на верный след и нашел его в деревянном домике на окраине Вильнюса.

Это был о<тец> Владимир Прокопов, священник, много в жизни страдавший. Во время оккупации он был брошен фашистами в яму, откуда чудом спасся. Потом наши партизаны уже надели ему петлю на шею. Однако казнь была отменена. Он долго сидел в советских тюрьмах. Но и после этого КГБ не оставлял его в покое. Когда я пришел к нему, он как раз собирался идти к сестрам-доминиканкам. Узнав, что я по национальности еврей, он решил, что мне будет интересно познакомиться с сестрами, из которых некоторые были моими соплеменницами, и пригласил меня пойти к ним.

Они жили в маленькой квартире в хрущевском доме на улице Дзуку. Мы застали дома мать Антонину¹ и сестер Терезу² и Филомену³. Помню, меня восхитила у них в доме атмосфера тишины и покоя. На стенах висели большие образа Св. Доминика и Св. Екатерины Сиенской. ВУ малюсенькой часовне был устроен из комода алтарь, на котором стояло распятие и в красном сосуде мерцала лампада, предупреждавшая о том, что здесь хранятся Святые дары.

Мать Антонина, маленькая, очень почтенная, с милой детской улыбкой, была одета в строгий черный костюмчик. Она когда-то перенесла травку, поэтому сильно хромала. Говорила она тихо, лаконично и очень весомо. Ей было тогда около 80 лет. Сестра Филомена, почтенная, сухопарая, красноречивая проповедница с прекрасным русским языком, столь редким в Литве. Ей было тогда около 75 лет. Сестра Тереза, 62 лет, высокая, плотная, простая. На лице ее отображалась беззаветная вера. Тогда она еще работала в больнице медсестрой.

Сестры с такой добротой и сочувствием приняли меня, что я, несмотря на свою врожденную застенчивость, сразу же почувствовал себя у них как дома. Не помню, о чем мы тогда говорили. Может быть, они меня спрашивали о том, как я обратился к Богу. Мать Антонина сказала мне, что через год к ним приедут доминиканцы из Польши, и я смогу вступить в третий орден Св. Доминика, и что, возможно, они помогут мне найти греко-католического священника.

Целый год мы с матерью Антониной переписывались. Я до сих пор храню ее глубоко духовные письма. А через год, это было накануне

---

¹ Кузнецова Валентина (Антонина) Васильевна. Подробные справки на нее и нижеследующих приведены ниже, в "Алфавите упоминаемых лиц".

² Кугель Минна (Тереза) Рахмиэлевна.

³ Эйсмонт Софья (Филомена) Владиславовна.

праздника Рождества Христова, я приехал к ним и застал у них трех отцов из Польши: провинциала доминиканцев Михала Мрачковского, Александра Хауке-Лиговского и Зигмунта Козара. В руки отца Михала я принес тогда трехгодичные обеты. Отцы обещали мне присылать богословскую литературу на польском языке для подготовки к священству.

Тогда же я познакомился у сестер с приехавшей из Москвы сестрой Екатериной⁴. Ей было тогда 66 лет. Маленькая, полная, она обладала высоким интеллектом. Имела сильный и решительный характер. Так как в России не было тогда ни одного мужчины доминиканца, отец Александр Хауке-Лиговской прикрепил меня к ней, как к наставнице духовной формации. «У нее натура вождя — сказал отец Александр, — и она святой человек». Я должен был ежемесячно ездить к ней на несколько дней в Москву. К сестрам в Вильнюс я также ездил каждый месяц.

Польским языком владели все сестры. Мать Антонина сверх того владела еще французским и английским, а сестра Екатерина — французским и немецким. Обе они занимались переводами духовных текстов. Отцы прислали сестрам прекрасные часословы на церковнославянском языке, и они неукоснительно читали по ним утрени, часы, вечерни и повечерия. Кроме того, они практиковали "Богородичный Розарий" и "Крестный путь". Сестры всегда с высоким почитанием и любовью относились к Святейшему Отцу и никогда не позволяли в своем доме критиковать какого-либо священника. После моего рукоположения в 1979 году я имел честь служить у них каждый месяц.

Все сестры были исповедницами, отсидев в тюрьмах и лагерях за веру не менее тридцати лет. Их исповеднический путь начался еще в первые годы советской власти под руководством необыкновенной, богато одаренной женщины — матери Екатерины Абрикосовой⁵. То, что я буду писать о сестрах, к сожалению, будет иметь лишь бессвязный фрагментарный характер, так как в советские времена сестры, по понятным причинам, не разрешали мне записывать их рассказы. Кое-что может быть передано даже и не совсем точно.

Начиналось это так.

Супруги Владимир Владимирович и Анна Ивановна Абрикосовы происходили из богатой и культурной купеческой среды. Анна Ивановна училась в Кембридже, и, как рассказывали сестры, до конца жизни сохранила легкий английский акцент. Оба они принадлежали к модному типу молодежи, который принято было называть "белоподкладочниками". Были они по традиции православными, но мало религиозными. Владимир Владимирович соглашался пользоваться в домашнем обиходе самым маленьким и кратким молитвенником.

Однажды, во время путешествия по Европе, супруги Абрикосовы прогуливались вечером при закате солнца по морскому пляжу, разглядывая фланирующую публику. Внезапно и одновременно они увидели, что это бредут не живые люди, а принаряженные скелеты. «Что это?» — спросили они друг друга. Оба видели скелеты. Видение быстро прекратилось, снова фланировали обыкновенные люди, но оно оставило в их душах глубокий след и, естественно, усилило их религиозность.

Потом, когда они посетили Сиену и увидели там на алтаре церкви Св. Доминика голову Св. Екатерины Сиенской, в их душах произошел радикальный переворот: они решили воссоединиться с Католической

---

⁴ Рубашова Нора (Екатерина) Николаевна.

⁵ Абрикосова Анна (Екатерина) Ивановна.

Церковью и принести монашеские обеты. А Риме на аудиенции у Папы св. Пия X Владимир Владимирович просил благословения стать священником латинского обряда. Папа благословил его, но с условием, что он станет священником восточного обряда. «Это будет полезнее для России», — сказал Папа. Потом, уже в России, обоими супругами были принесены монашеские обеты для доминиканского служения, а в 1917 году в Петрограде в Мальтийской часовне Владимир Владимирович был рукоположен во священники митрополитом Андреем Шептицким.

В их московской квартире вскоре образовался женский доминиканский монастырь восточного обряда с матерью Екатериной во главе; сестер-монахинь в то время было около двадцати. Отец Владимир был в нем капелланом. Сестры приносили, кроме трех обычных монашеских обетов⁶, еще и четвертый: страдать за спасение России. Бог внял их желанию, и им пришлось вскоре долго и много страдать.

Дисциплина в монастыре была строгая. Сестры спали на полу в большой комнате на матрасиках; некоторые вместо подушки клали под голову книги. При подъеме нужно было в течение пяти минут одеться, сложить матрасики, помыться и занять свое место в часовне, где читалась утренняя, и отец Владимир служил литургию. После вечерней службы и до утренней было обязательное молчание. На молитву вставали также и среди ночи. Сестрам разрешалось употреблять "дисциплину"⁷.

Мать Екатерина и некоторые сестры занимались переводами. Так они перевели и издали "Жизнь Св. Доминика" Лакордера. Было написано много оригинальных духовных сочинений, которые все потом пропали в подвалах ОГПУ. Уцелело только одно сочинение матери Екатерины "Семь слов Христа на кресте", сохранился его не вполне точный список. Но даже и он дает представление о высочайшей духовности его автора, я бы осмелился даже сказать, что уровень этого произведения не ниже уровня сочинений Св. Терезы Авильской. В нем, а именно в "Третьем слове" выразилась и личная жгучая боль добровольной жертвы, принесенной матушкой Екатериной, — отрывом, а затем и разлукой с горячо любимым супругом. Это произведение является как бы духовно-жертвенной программой жизни сестер ее общины.

Отец Владимир был арестован, приговорен к расстрелу, который затем был заменен высылкой за границу. Чекисты предложили ему забрать с собой и жену. Но мать Екатерина не могла оставить сестер и выбрала путь страданий. Она очень беспокоилась об отце Владимире и, когда уезжала за границу Юлия Данзас⁸, просила ее позаботиться там о нем. Этому пожеланию не суждено было осуществиться.

Когда чекисты начали следить за монастырем, они проделали в потолке смотровое отверстие. Это нисколько не тревожило сестер. А когда за ними пришли и проводили в квартире длительный обыск, одна из сестер легла под стол и преспокойно захрапела. После осуждения сестер отправили в вагонах-теплушках на восток. Весело распевали они в пути духовные песни и гимны.

Однажды их к ночи привезли в какой-то лагерный пункт. Для ночлега им предназначили барак, на ступеньках крыльца которого спали люди. Сестры думали, что барак переполнен, однако, когда вошли в него, увидели, что он совершенно пуст. Не успела еще матушка Екатерина

---

⁶ Послушания, целомудрия и нестяжания.

⁷ Маленькая плетка из тонкого шнура, употреблявшаяся для самобичевания.

⁸ Сестра Иустина (Данзас Юлия Николаевна) из общины русских католиков в Ленинграде.

прилечь на нары, как на нее сверху посыпался дождь из крупных клопов. Сестры стали сбрасывать их с нее. Но она сказала: «Оставьте их, пусть едят меня».

В какой-то тюрьме, чтобы сломить дух матери Екатерины. Ее поместили в камеру с уголовницами. Но она произвела на этих воровок и проституток такое впечатление, что они прониклись к ней великим уважением. Однажды к ним в камеру, в которой не было ни одного свободного места на нарах, привели сифилитичку. Матушка Екатерина положила ее рядом с собой. Заключенные сказали ей: «Что вы делаете, матушка? Вы ведь заразитесь!» — «Ну, что ж? Будем тогда лечиться», — спокойно ответила она.

Сами чекисты относились к ней с большим уважением. «Такая умная женщина должна была бы сотрудничать с нами», — говорили они ей. Когда ее посадили в одиночку, в ее камере всегда были цветы...

Строгая в исполнении монашеской дисциплины, мать Екатерина всегда проявляла милость к падшим. Однажды выяснилось, что одна из близких к сестрам женщин, запуганная чекистами, стала осведомительницей. Из сострадания к этой несчастной она удвоила к ней свое ласковое внимание.

Когда мать Екатерина с сестрами находилась в Сибири⁹, то в каком-то далеком поселке один из жителей, отец маленьких детей, внезапно овдовел. Из сострадания к вдовцу одна весьма примерная сестра, бывшая здесь в ссылке, стала навещать его, чтобы помогать по хозяйству. Дело кончилось плохо: сестра нарушила обет, данный Богу, и сошлась с вдовцом¹⁰. Когда она попыталась прийти на богослужение, отец Алексей Зерчанинов, находившийся там в ссылке, метнул на отступницу грома и молнии своего гнева. Мать же Екатерина подошла к несчастной и нежно обняла ее¹¹.

Эта бедная женщина не была счастлива. Она родила ребенка, который быстро умер, но и могилку его разрыли голодные собаки и растерзали трупик. Кое-кто из сестер усматривал в этом наказание Божие. Человек, с которым эта сестра сошлась, тоже трагически погиб, попав под машину. Оставшись одна, она просила снова принять ее в монашескую общину, но высшее начальство Церкви не разрешило этого сделать. Однако мать Екатерина Абрикосова до конца проявляла к ней милость...

<...> На реке Оби сестер посадили на пароход, который отправлялся вниз по течению. Иногда им разрешали под охраной конвоиров сойти на берег. Это было для них большой радостью. На берегу сестры, совсем еще молоденькие, нашли красивую гусеницу и взяли ее с собой на пароход. Гусеница нуждалась в питании, и сестры просили конвоиров нарвать для нее на берегу листьев. «Что за детский сад мы везем?» — удивлялись конвоиры.

По пути их по двое ссаживали на берег для отбывания там наказания. Очень молодую и очень красивую сестру Филомену (Эйсмонт), пианистку с консерваторским образованием, довезли до самого Ледовитого океана и должны были отправить еще дальше, на какой-то остров. Однако ее спас

---

⁹ С осени 1924 — матушка Екатерина находилась в Тобольском политизоляторе, а сестры общины — в ссылке в Тобольском крае.

¹⁰ Вера Александровна Хмелева, бывшая сестра-монахиня Мария Роза Лимская.

¹¹ Очевидно, это произошло гораздо позже, после перевода матушки Екатерины из Ярославского политизолятора в Бутырскую тюрьму для проведения операции и ее досрочного освобождения, то есть не ранее лета 1932 года.

от этого милосердный капитан катера. «Эту соплю я туда не возьму, — заявил он, — она там погибнет».

Теперь я постараюсь рассказать то малое, что сохранилось в моей памяти из рассказов о себе отдельных сестер.

Мать АНТОНИНА¹², по национальности карелка, родилась в баптистской семье. Ее путь к церкви был сложен. Покинув баптистов, она перешла в группу пятидесятников. Там во время глоссолалий¹³ она испытывала высокий подъем духа. У нее появлялся сильный певческий голос, и она пела так, как никогда не смогла бы петь в спокойном состоянии. Но ее огорчала то, что делалось вокруг нее. Бессмыслица слов и звуков, например, «ту-ту, ту-ту!» — наводила ее на мысль, что здесь не все в порядке в психическом отношении. Она перешла в Армию Спасения, где дослужилась, кажется, до звания капрала. С чувством юмора она рассказывала мне о своих проповедях с амвона. Под амвоном ставилась скамья, на которую должны были прийти и сесть те, кого проповедью удалось обратить к Богу. Долго трудилась наша проповедница, но тщетно, никто не приходил. От огорчения она уже чуть было не расплакалась, как вдруг какой-то человек из жалости к ней пришел и сел на скамью...

Однажды Валентина Васильевна согласилась дежурить у постели умирающего человека из круга знакомых семьи Абрикосовых. Понаблюдав за ней, мать Екатерина сказала сестрам: «Молитесь за Валю. У нее доброе сердце, и она должна быть с нами». Молитва была услышана: Валентина Васильевна стала католичкой и вступила в общину доминиканок под именем сестры Антонины.

Сестра ЕКАТЕРИНА¹⁴ родилась в еврейской семье. Была крещена о<тцом> Сергием Соловьевым, была у него псаломщицей в церкви Непорочно Зачатия на Малой Грузинской улице. К огорчению своих родителей вступила в общину сестер-доминиканок. Отец ее вскоре смирился с этим, и, когда она вместе с сестрами приходила домой, он, шутя, говорил: «Вот, зятя мои пришли». Она была арестована в один день с о<тцом> Сергием.

Отец Сергей, талантливый поэт, переводчик, профессор университета, человек тонкой душевной организации, был подвергнут таким методам допросов в НКВД, что его психика не выдержала, и он заболел. Например, рассказывала сестра Екатерина, чекисты обманули его, сообщив, что епископ Пий Эжен Неве расстрелян. «Как?!» — содрогнулся он. «Так это же вы его и выдали», — внушали ему чекисты. Этому его тонкая душа выдержать не могла. Его постоянно мучила навязчивая мысль: «Я — предатель, я — предатель...»¹⁵ Сестра Екатерина написала замечательные воспоминания об отце Сергии¹⁶.

Сестра Екатерина на допросах вела себя дерзко и говорила следователям все, что о них думала. Потому ей и давали самые большие сроки заключения. Однажды в тюрьме она узнала, что находящаяся в другой камере мать Стефания сильно заболела. Она стала требовать у тюремного начальства, чтобы ее перевели к больной ухаживать за ней.

¹² Валентина Васильевна Кузнецова.

¹³ Практикуемое пятидесятниками говорение на языках.

¹⁴ Нора Николаевна Рубашова.

¹⁵ Мучившее отца Сергия чувство вины было не напрасным, ведь на допросах он назвал имена всех членов своей общины, включая имена тайно посвященных им монахинь. — Прим. сост.

¹⁶ Они напечатаны под именем сестры Марии в книге отца Сергия Соловьева «Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева». Брюссель, 1977. С. 13-15.

Получив отказ, она объявила голодовку и... выиграла ее, что было совершенно уникально в то суровое время... Я до сих пор храню ее глубоко духовные письма.

Сестра Иосафата Новицкая рассказывала, что сестра Екатерина «переносила заключение легче, чем другие. Это объяснялось чистотой ее души и глубокой верой ее. Она очень любила людей, старалась всегда быть им полезной»¹⁷. Как истая доминиканка, она духовно просвещала своих малокультурных союзниц. При этом случались и курьезы. Так, например, одна из простодушных слушательниц, услышав, что Дева Мария была дочерью израильского народа, страшно возмутилась и, бегая по лагерю, кричала: «Вы слышали, что пани Рубашова муви?! Что Матка Боска — жидовка!»

Сестра Екатерина, по воспоминаниям Новицкой, «быстро находила себе в заключении занятия, помогала своему окружению. Ее очень хвалили за доброту и всегда защищали заключенные. Даже многие тюремные надзирательницы относились к ней весьма ласково»¹⁸. В концлагере, где-то на севере, ее назначили убирать мусор на окраине лагеря. Туда слетались огромные черные вороны, и общение с этими мудрыми птицами доставляло ей истинную радость.

Во время ссылки ей удалось достать у ссыльного священника Святые Дары. Желая доставить радость матери Стефании¹⁹, жившей от нее весьма далеко, она на попутной телеге с незнакомыми мужчинами отправилась к ней. Ночевать пришлось в поле. Лежа на сене со Святыми Дарами на груди, она любовалась звездным небом и чувствовала себя в полной безопасности среди этих грубых мужчин.

Между двумя отсидками сестры Екатерина и Тереза оказались во время войны на оккупированной территории. Будучи светловолосыми, с нетипичными для евреек чертами лица, они избежали преследования со стороны нацистов. Сестра Тереза устроилась работать медсестрой в немецкий госпиталь, где лежали также и русские раненые. Там она познакомилась с двумя католическими священниками, один из которых, офицер, был военным капелланом, а другой, солдат, — медработником. Эти священники, узнав, что Екатерина и Тереза доминиканки и что они... еврейки, пожелали праздновать с ними Рождество Христово. Странная компания: офицер и солдат в фашистской форме и две еврейки. Капеллан торжественно сказал тогда по этому случаю: «Католик везде у себя дома». Воистину, это был райский уголок в океане зла!

После реабилитации при Хрущеве сестра Екатерина добиралась в Москву пешком. Случилось ей заночевать в доме какого-то "сына степей". Ночью она обнаружила рядом с собою что-то мохнатое. Сестре, девственнице, не могло и в голову прийти, что это был хозяин. «Какое-то животное», — подумала она. «Брысь отсюда!» — громко крикнула она. Испуганный тем, что этот крик может услышать его жена, "сын степей", а это был он, быстро ретировался.

По уставу общины сестрам не разрешалось смотреть на себя в зеркало. Это было причиной курьезного случая, происшедшего с сестрой Екатериной. После реабилитации она пошла покупать себе в магазин какую-то одежду. Ей предложили зайти за ширму для примерки. «Там свободно», — сказала продавщица. Но когда сестра зашла за ширму, она

¹⁷ Anatolia Nowicka (S. Jozafata). Там же. С. 38.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Вера Львовна Городец.

увидела там какую-то старушку. Сестра сказала ей: «Ой, простите, пожалуйста, я думала, что здесь свободно...» И только тогда поняла, что это ее собственное отражение в зеркале.

В Москве сестра Екатерина и матушка Стефания получили маленькую комнату в коммуналке на улице Вернадского. Мне удалось застать матушку Стефанию в живых. До вступления в Орден была она драматической актрисой, была талантлива и умна. Ей даже удалось выиграть без адвоката один из процессов против сестер — после ее блестящей речи на закрытом судебном заседании в Воронеже сестры были оправданы и освобождены прямо в зале суда. У нее был также поэтический дар. У меня хранится тетрадь с ее стихотворениями.

Живя после реабилитации если не в нищенских, то в весьма скромных условиях, матушка Стефания и сестра Екатерина умудрились еще и помогать самым бедным. В каком-то приюте они нашли несчастного паралитика, впавшего в полное отчаяние, помогли ему найти путь к Богу и поддерживали его материально. Мать Стефания считала, что, если уж помогать, то надо это делать щедро. Паралитик был так тронут добротой сестер, что при каждом удобном случае посылал им трогательные благодарственные письма. Привожу одно из них.

«Мои дорогие лучшие друзья Вера Львовна и Нора Николаевна. Письмо от Веры Львовны получил. Был очень тронут его содержанием, в котором чувствовалось много душевного тепла. Я очень ослабел, по-видимому, скоро конец, поэтому по ночам не могу удержаться от слез. Я бесконечно благодарен Вам за то, что Вы научили меня верить в Бога, что дает мне по ночам большое облегчение на душе. Если Вы верите в родство душ, то Вы должны по ночам чувствовать, что я молюсь Богу и обливаюсь слезами, прошу Его помочь Вам. Очень огорчен тем, что Вы плохо себя чувствуете. От всей души желаю Вам здоровья, благополучия, душевного спокойствия. Конец должен быть у всякого, но Вы сделали столько добра, что можете спокойно ожидать перехода в другой мир, т<ак> к<ак> все Ваши благодеяния будут Вам зачтены. Вы делаете так много добра людям и, особенно, мне, и я так часто молюсь Богу о Вас, что можете свободно дожидаться земного конца, будучи твердо уверенными, что Бог воздаст Вам за Ваши дела все, что Вы попросите и заслуживаете. Твердо верю, что Господь Бог уготовил Вам место одесную Себя.

Обстановка у нас ужасная, чуть ли не каждый день приходят новые няни, неграмотные, которые ничего не умеют, не могут даже написать записки, но умеют лазить в тумбочку и воровать. Единственно, что мне помогает, это глубокое раскаяние в своих заблуждениях и грехах, сознание, что посланное мне Богом наказание мною вполне заслужено. Ко мне никто не приходит, и единственно, кто меня не забыл, это Вы и Нора Николаевна. Еще раз сердечно благодарю Вас за ту моральную и материальную поддержку, которую Вы мне оказываете, а особенно, за то, что Вы превратили меня из атеиста в глубоко верующего христианина. Это мне очень облегчает мой конец. Целую Ваши руки. Преданный Вам до последнего вздоха, Ваш неоплатный должник, Константин Немечек».

Регулярно, раз в месяц, я бывал у сестры Екатерины на пр<оспекте> Вернадского и служил там. Сестра умела привлечь к себе многих верующих, и ее комната стала маленьким центром католического подполья. У нее бывали ныне уже покойный профессор Юлий

Анатольевич Шрейдер²⁰; Александр Хмельницкий, ныне священник-доминиканец, издатель журнала "Истина и Жизнь"; Иван Владимирович Лупандин²¹, ныне профессор Католического колледжа; Анна Вацлавовна Годинер²², ныне издатель детской духовной литературы и многие другие.

Так как сестра Екатерина была уже почти не транспортабельна, ей доставляли продукты ее посетители. Это очень раздражало ее престарелого соседа, а особенно то, что я оставался ночевать у нее. В голове у него были дурацкие мысли, и он не отвечал на мои приветствия. Однажды он совсем взбесился. Я услышал из комнаты матерную брань в коридоре. Когда я выбежал в прихожую, он ударил почтенную сестру ногой. Мне пришлось прибегнуть к кошмарным угрозам. Это его испугало, и он исчез из квартиры... Я описал эту неприглядную сцену вот для чего: когда он тяжело заболел, и некому было его обслуживать, сестра Екатерина, не помня зла, взяла это на себя и таким образом совсем приручила его. Оправившись от болезни, он даже стал приносить ей продукты. Только ко мне он продолжал испытывать неприязнь.

Сестра Екатерина и я очень любили друг друга. Она была для меня всегда очень ценным и мудрым советчиком. Но когда я приезжал к ней в Москву, у нас почти никогда не оставалось времени для общения. Она заранее составляла план моей работы. В разных концах города и даже за городом я должен был обслуживать людей, боявшихся ходить в церковь: исповедовать, причащать, служить мессу, иногда крестить. Когда к ночи я возвращался к сестре, у меня уже не было сил для беседы с нею. Мы просто сидели рядом и молчали. Но как приятно было это молчаливое общение! Когда же времени все-таки было достаточно, сестра Екатерина читала вслух, переводя с листа с французского какое-нибудь духовное сочинение. С одного из них "Sur ses pas" ("Следуй за мной") она сделала перевод, который был в 1993 г <оду> напечатан. Это были духовные размышления провинциала Доминиканского ордена во Франции о <тца> Жака-Рене Буше, которого она знала лично.

Несколько раз сестра Екатерина приезжала ко мне в Питер. Мы с ней читали часослов, служили литургию в моей домашней готической часовне. «Нравится ли вам моя часовня?» — как-то спросил я ее. «Самая лучшая в мире!» — сказала она. Однажды летом, когда она гостила у меня, я до служения мессы пошел выгуливать своего пса Мишку. Возвращаясь, я заметил, что какое-то животное барахтается, тонет в Крюковом канале. Я побежал домой за ведром и веревкой. Вернувшись к каналу, я увидел, что это тонет ворона. Пока я тщетно закидывал в канал ведро на веревке, ворона совсем ослабела и опустила голову под воду. Делать нечего, мне пришлось прыгать в канал самому, но я вытащил на берег уже почти труп. Я принес птицу домой и положил ее в прихожей на окно, а сам пошел в часовню служить с сестрой мессу. Во время службы сестра и я молились о бедняге и, когда я заканчивал послепричастную молитву словами «через Христа, Господа нашего», вместо нашего "Аминь" из прихожей прозвучало громкое "Карррр!" Ворона бодро разгуливала по подоконнику. Когда окно открыли, она улетела, оставив после себя большой кусок пластилина, бывшего причиной ее обморока над каналом.

Очень огорчал сестру Екатерину инстинктивный конформизм нашего народа, наших интеллигентов и даже наших верующих (не всех, конечно),

---

²⁰ Светский брат Фома.

²¹ Светский брат Викентий.

²² Светская сестра Женевьева.

их податливость на обман официальной пропаганды. Сама она была абсолютно честна и бескомпромиссна в этом отношении. Помню, это было в дни вторжения советских войск в Афганистан, сестра Екатерина и я приехали в загородный поселок под Москвой, чтобы отслужить мессу в доме лежачей больной, давнишней подруги сестры Екатерины, ныне уже покойной. Эта интеллигентная, много потрудившаяся над переводами хороших духовных книг дама, увы, питала доверие к той лжи, которой промывали мозги наших граждан средства массовой информации. Моя проповедь во время мессы, в которой я коснулся нашей всенародной беды — войны в Афганистане, вызвала у бедной дамы приступ возмущения: «Почему вы говорите об Афганистане, почему не о Никарагуа?!» Я старался ей объяснить, но тщетно. «Вы просто обыкновенный антисоветчик!» — воскликнула дама. Бедная сестра Екатерина побледнела. «Прошу вас, прекратите этот разговор, — умоляла она, — иначе у меня будет инфаркт».

После мессы, возвращаясь в Москву, мы утешали друг друга, сетуя на обманутость наших граждан. В самой сестре Екатерине не было ни грамма конформизма. Когда я читал показания сестры Екатерины на следствии, занесенные в протокол допроса: «Считаю необходимым заявить о своем враждебном отношении к сов<етской> власти»²³, — мое сердце переполнялось гордостью за смелую исповедницу, которая была моей любимой духовной матерью, сестрой, дочерью и другом.

Когда в Москве органы КГБ возбудили дело против о<тца> Владимира Никифорова, и начались гонения в виде увольнения с работы, мы все были встревожены, так как не знали, как далеко это зайдет. В то время сестра Екатерина услышала ночью, что кто-то сверлит стену ее комнаты со стороны лестничной площадки. Утром она обнаружила там глубокое отверстие, аккуратно высверленное. На другой день в глубине этого отверстия она нащупала какое-то металлическое приспособление. А на другой день отверстие было зашпаклевано и покрашено, а на его месте торчал металлический штырь. Сестра была уверена, что там микрофон. Я хотел этот штырь выдернуть плоскогубцами, но она не позволила это сделать. С того времени я на квартире сестры Екатерины служил, по ее настоянию, абсолютно немую мессу. Имена наших друзей мы в разговорах переименовывали, например, вместо Зигмунт — Зинка и т<ому> п<одобное>. Важные разговоры писались на туалетной бумаге и тут же сжигались на свече.

Умерла сестра Екатерина в мае 1987 г<ода>. Я, как и обещал ей, сразу же приехал в Москву и отслужил в пустой квартире у гроба заупокойную мессу. Для меня ее смерть была ничем не возместимой утратой. Надеюсь встретиться с ней и всеми сестрами в лучшем мире.

Сестра ТЕРЕЗА²⁴ происходила из иудейской семьи. Была в юности комсомолкой. Готова была ревностно защищать коммунистическую идею. Она жила неподалеку от сестер, не помню, в каком городе. Была склонна к делам милосердия. Сестры, видя ее доброту, договорились регулярно молиться о ее обращении. Бог услышал их молитвы, и с нею случилось то же, что некогда произошло с Андре Фроссаром²⁵ и с Германом Когеном²⁶.

²³ Осипова И. И. В язвах своих сокрой меня... - М.: Серебряные нити, 1996. С. 25.

²⁴ Минна Рахмиэловна Кугель.

²⁵ Автор известной книги «Соль земли» (о монашеских орденах).

²⁶ Выдающийся пианист, ученик Ференца Листа, впоследствии священник-кармелит, слуга Божий.

Однажды Минна вошла в католическую церковь и увидела на алтаре освященную Остию (Тело Христово) в монстрации. Мгновенно в душе ее произошел полный переворот. Она потребовала у священника крещения. После катехизации она была крещена, вскоре присоединилась к общине сестер и вместе с ними была арестована.

Мне она рассказала два удивительных случая из своей тюремной жизни. Сестра Тереза, по словам сестер, была статная, сильная и красивая девушка. В тюрьме на нее положил глаз один из надзирателей. Выбрав удобный момент, когда они оказались наедине, он попытался овладеть ею. Но она нанесла ему удар такой силы, что отправила его в нокаут. Придя в себя, он не стал жаловаться на нее: ему было стыдно, что его нокаутировала девушка. Приставания тоже прекратились.

В той же тюрьме был варварский обычай. Для борьбы со вшивостью в женские камеры посылались мужчины с бритвами. Они сбрасывали у женщин волосы со всех частей тела. Уголовниц это даже веселило. Но сестра Тереза, монахиня, девственница, отказалась им подчиниться. «Хоть убейте!» — сказала она. В наказание ее выставили босиком во двор на снег. Она терпеливо стояла там, пока ее не увидел из окна какой-то чекист из интеллигентов. «Это что такое?» — спросил он. Ему объяснили, в чем дело. «Немедленно прекратить это варварство!» — приказал он, и этот обычай был навсегда отменен, а сестру Терезу освободили от наказания.

Сестра Тереза умирала в мучениях от рака мочевого пузыря в одной из вильнюсских больниц. О<тец> Владимир Прокопов и я пришли навестить ее. Из страшно изменившегося, почти трупного ее лица светились на меня исполненные любви и радости глаза. Я боялся зарыдать и поспешил выйти в коридор. Когда я вернулся в палату, сестра Тереза спрашивала о<тца> Владимира: «Отче, зачем они продлевают мои мучения этими капельницами?» О<тец> Владимир нагнулся к ней и тихо спросил: «А ты разве не хочешь еще немного пострадать ради спасения души?» — «Хочу», — тихо ответила она и с тех пор не проронила ни одной жалобы.

Сестра ФИЛОМЕНА²⁷, полька по отцу и русская по матери, мужественная, горячая натура. Она обратилась ко Христу под влиянием протестантского проповедника Марцинковского, возглавлявшего тогда Христианский студенческий союз. Затем вступила в общину матери Абрикосовой, сразу же была репрессирована и много страдала в заключении. В 80 лет, невзирая на свои физические немощи, она взяла на себя труд прилететь на самолете в Питер, чтобы сообщить мне, что дело о моем рукоположении решено. Она была страстной собеседницей на богословские темы. В последние годы своей жизни она по настоянию отца Зигмунта и моему трудилась в написании своих драгоценных для нас воспоминаний о страданиях за Христа и Россию сестер-доминиканок восточного обряда. Да вознаградит ее Господь!

Надо упомянуть еще и о сестрах-польках, которых я, увы, лично не знал. Они перешли из своего родного западного обряда в восточный (представляю, как это было им трудно!), чтобы с российскими сестрами страдать за спасение России. Когда они томились в тюрьмах и концлагерях, чекисты по ходатайству госпожи Пешковой²⁸ решили

²⁷ Софья Владиславовна Эйсмонт.

²⁸ Екатерина Павловна Пешкова, жена Максима Горького, возглавляла Польский Красный Крест.

отправить их в Польшу в обмен на советских шпионов. Но они отказались от этого, так как решили выстрадать все до конца и умерли, как и мать Екатерина, в неволе.

Волнения, о которых я рассказал выше, коснулись не только москвичей и престарелой сестры Екатерины. Вильнюсские сестры на старости лет также испытали свою долю волнений. Причина была вот в чем. В 1980 г<оду>, через год после моего рукоположения, я привез к моему епископу нового кандидата в священники Андрея Касьяненко. Во время его рукоположения появился человек с фотоаппаратом, якобы, кандидат в священники, и стал нас во время литургии фотографировать. Я пытался протестовать. «Не бойтесь, отец, — сказали мне, — это делается для истории. Снимки будут хорошо спрятаны». После рукоположения я сказал о<тцу> Андрею: «Плохо дело! Как-нибудь эти снимки вывяжутся».

Отец Андрей работал в это время в Вильнюсе инженером по связи. Он служил у сестер. Жилья у него не было, и он снимал углы у разных людей. Однажды МВД предложило ему работу по специальности, пообещав поставить на очередь для получения квартиры. Работал у них год, два, три, а квартиры все не давали. Он уже имел чин старшего лейтенанта. В шкафу у него рядом с доминиканской рясой висел мундир милиционера (!).

Вдруг его вызывает генерал, начальник литовского отделения МВД, и спрашивает: «Ты поп?!» — «Нет, — отвечает Андрей, — я католический священник». — «Еще хуже! — сказал генерал, хватаясь за сердце. — У тебя нет валидола?» Оба приняли валидол. Оказывается, в МВД был прислан донос с фотографией, на которой в полном греко-католическом облачении были засняты наш епископ, о<тец> Андрей и я. Генерал мучительно пытался понять, каким враждебным силам понадобилось внедрять в милицию "ксендза". Боясь расправы со стороны КГБ, ведь это было суровое время Андропова, он приказал Андрею срочно написать заявление об увольнении, после чего тот покинул Вильнюс.

Ясно, что престарелые вильнюсские сестры не могли быть нечувствительны ко всему этому. Упокой их, Господи, там, где нет ни тревог, ни печалей. А вы, исповедницы Христовы, молитесь о нас, грешных.

Алфавит упоминаемых лиц

АБРИКОСОВ Владимир Владимирович, родился в 1880 в Москве. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. «Не был человеком особенно набожным. С православием был совершенно не знаком, даже не ходил в церковь. Религиозные симпатии его были на стороне протестантов». Во время туристических поездок по Европе вместе со своей женой Анной приблизился к католицизму. Стал изучать богословие, в 1909 — принял католичество; в 1913 — вступил в новициат терциариев-доминиканцев, обеты принес в Риме (супруги дали обет целомудрия). В их квартире в Москве постоянно проводились встречи интеллигенции со священнослужителями. 31 мая 1917 — рукоположен в священники восточного обряда, 5 апреля 1918 — экзархом русских католиков назначен настоятелем прихода в Москве (жена его Анна Абрикосова основала общину монахинь-доминиканок). Настоятель прихода русских католиков, духовник монашеской общины в их квартире. 17 августа 1922 — арестован и приговорен к ВМН; в сентябре приговор был заменен на бессрочную высылку за границу. 29 сентября выехал из России, в декабре прибыл в Рим как представитель экзарха русских католиков и передал Папской Комиссии "Pro Russia" сведения об осужденных в России католических священниках и мирян. Позднее назначен Ватиканом прокуратором экзарха, в 1924 — выехал в Париж, организовал там Комитет русских католиков. 22 июля 1966 — скончался в Париже.

АБРИКОСОВА Анна Ивановна, родилась в 1882 в Москве. Мать умерла во время родов Анны, отец скончался через 9 дней от скоротечной чахотки; воспитывалась вместе с четырьмя братьями в семье своего дяди Николая Алексеевича Абрикосова. В 1903 — окончила Гартонский колледж Кембриджского университета. В 1903 — вернулась в Россию; вышла замуж за В.В. Абрикосова. С 1905 — путешествовала с мужем по Европе, 20 декабря 1908 — перешла в католичество в Париже. В 1910 — вернулась с мужем в Москву, в 1913 — принята в новициат Третьего ордена Св. Доминика под именем Екатерина. В 1917 — после Февральской революции встала с мужем на восточные позиции. После принятия ее мужем рукоположения 19 февраля 1921 — на квартире Абрикосовых была основана женская община сестер-терциарок ордена Св. Доминика, стала ее игуменьей. 12 ноября 1923 — арестована по групповому делу. 19 мая 1924 — приговорена к 10 годам тюремного заключения и отправлена в Екатеринбургский, затем — Тобольский и Ярославский политизолятор. 9 августа 1932 — освобождена досрочно по состоянию здоровья с запретом проживания на 3 года (-12). Проживала в Костроме, приезжая в Москву для консультаций с врачом, посещала богослужения, тайно встречалась с молодежью на квартирах. 5 августа 1933 — арестована по групповому делу. 19 февраля 1934 — приговорена к 8 годам ИТЛ и отправлена в Ярославский политизолятор. 23 июля 1936 — скончалась в Бутырской тюремной больнице.

ДАНЗАС Юлия Николаевна, родилась в 1879 в Афинах. С 1888 — проживала в России, получила домашнее воспитание, в 1896 — сдала выпускные экзамены в гимназии в Санкт-Петербурге; изучала в качестве вольнослушательницы историю и философию в Сорбонне. С 1907 — стала фрейлиной императрицы. Занималась научной работой в Париже и в Риме, была автором книг "Запросы мысли" и "В поисках за Божеством. Очерки по истории гностицизма". Член редколлегии и постоянный автор журнала "Окраины России". С августа 1914 — после начала Первой мировой войны заведовала передовым складом Красного Креста при 10-й армии, с 1916 — служила добровольцем в 18-м Оренбургском казачьем полку, рядовым, затем урядником 3-й сотни; участвовала в боях. В марте 1917 — вернулась в Петроград, с ноября 1918 — работала в Публичной библиотеке: помощником библиотекаря, заведующей отделениями филологии и инкунабул. С ноября 1919 — преподавала историю Англии и Франции в 3-м Педагогическом институте, с марта 1920 — заведующая Домом ученых. 5 марта 1920 — арестована, но после ходатайства Максима Горького освобождена под подписку о невыезде; 18 октября дело было прекращено «за недоказанностью обвинения». 17 ноября 1920 — перешла в католичество, 14 сентября 1921 — на ее квартире была создана монашеская община Св. Духа, ее возглавил экзарх русских католиков отец Леонид Федоров. 25 марта 1922 — пострижена в монахини под именем Иустина; исполняла обязанности псаломщика в русской католической церкви Сошествия Св. Духа. Выступала с докладами и лекциями; вступила в религиозно-философское общество, сотрудничала с издательством "Всемирная литература", подготовила монографию "Платон". В ночь с 17 на 18 ноября 1923 — арестована в Петрограде как «активный член

контрреволюционной организации», а также как «член нелегальных кружков организации и идейный руководитель». 19 мая 1924 — приговорена к 10 годам тюремного заключения и отправлена в Иркутский изолятор. Весной 1928 — переведена в Соловецкий лагерь особого назначения, в 1931 — в Белбалтлаг. В январе 1932 — досрочно освобождена из лагеря по ходатайству Максима Горького. В 1934 — выкуплена братом и выехала за границу. Проживала в Германии, с 1935 — во Франции. Вступила в орден Св. Доминика под именем Екатерина, но осознала, что монашество не ее призвание. Осенью 1935 — выехала в Париж, сотрудник доминиканского центра изучения России "Истина", писала также статьи для журнала "Истина". Автор книг "Красная каторга", "Гностические реминисценции в современной русской религиозной философии" и "Католическое богопознание и марксистское безбожие". С 1939 — проживала в Риме. 13 апреля 1942 — скончалась там.

ЗЕРЧАНИНОВ Алексей Евграфович, родился в 1848 в Нижегородской губ. В июне 1871 — окончил Нижегородскую духовную семинарию с правом поступления в духовную академию. Сознательно не воспользовался этим правом, чтобы скорее стать священником. 10 сентября 1871 — женился. 15 октября 1871 — рукоположен в православные священники. С 1871 — настоятель прихода в с. Борисово, благочинный церковью Арзамасского уезда и законоучитель в церковно-приходских школах и в шести училищах. Активно выступал против раскольников. Вскоре, без чьего-либо влияния, собственными усилиями пришел к твердому убеждению в истинности Католической Церкви. 9 января 1896 — тайно принят в сане священника в Католическую Церковь. В июле 1898 — отправлен в Суздальскую тюрьму при Спасо-Евфимиевском монастыре. 21 февраля 1901 — по ходатайству императрицы освобожден с условием проживания безвыездно на хуторе. Работал в хозяйстве, устроил часовню у себя; работал над книгами. В 1905 — выехал в с. Белоостров, после 17 октября 1905 — поселился в Санкт-Петербурге. В 1907 — побывал в Риме, встретился с Папой Римским Пием X, съездил в Лурд, во Львов, познакомился с митрополитом Андреем Шептицким. 29 июня 1907 — назначен заместителем в номинально существующей Каменецкой епархии как глава русских католиков в Российской империи. В октябре 1907 — вернулся в Санкт-Петербург, проводил богослужения на своей квартире, создал приходскую общину русских католиков; позднее организовал домашнюю церковь на Полозовой улице, с 1912 — после ее закрытия викарий прихода Св. Екатерины. 1 мая 1919 — арестован вместе с митрополитом Эдуардом Роппом как заложник, через месяц был освобожден. 12 апреля 1920 — арестован по "Польскому делу"; 18 апреля освобожден из тюрьмы. С февраля 1923 — прелат, с марта 1923 — возглавил северную часть экзархата Русской Греко-Католической Церкви. 19 ноября 1923 — арестован «за распространение контрреволюционных статей и писем», в декабре освобожден под подписку о невыезде. 19 мая 1924 — приговорен к 10 годам тюремного заключения с заменой, ввиду преклонного возраста, на 3 года ссылки. С 1924 по 1926 — находился в Екатеринбурге, позднее — переведен в Тобольск. 28 мая 1926 — арестован по обвинению «в религиозной активности». Переведен в Обдорск Тобольской области. 9 мая 1927 — освобожден из ссылки с ограничением проживания на 3 года (-6). Проживал в Смоленске, с 1929 — в Нижнем Новгороде. 23 сентября 1933 — скончался там.

КУГЕЛЬ Минна (Тереза) Рахмиэловна, родилась в 1912 в Московской губ. В 1929 — окончила школу в Ярославле, вернулась в Кострому. Позднее познакомилась с сестрами-доминиканками, в 1931 — приняла католичество, в 1932 — выехала в Краснодар, пострижена в монахини с именем Тереза. 6 октября 1933 — арестована по групповому делу. 19 февраля 1934 — приговорена к 3 годам ИТЛ и отправлена в Бамлаг. 16 ноября 1935 — освобождена из лагеря, поселилась в Брянске, с октября 1937 — в Малоярославце, во время войны — в оккупации. 21 августа 1942 — арестована. 31 октября приговорена к 5 годам ИТЛ и отправлена в Темлаг. 25 марта 1947 — освобождена из лагеря, вернулась в Малоярославец, с осени 1948 — в Калуге. 3 апреля 1949 — арестована за шпионаж в пользу Ватикана. 17 сентября 1949 — направлена на принудительное лечение в Казанскую спецбольницу. 15 октября 1952 — переведена в обычную психбольницу. С 1953 — после освобождения проживала в Вильнюсе, работала дворником на рынке, затем медсестрой в больнице. 2 декабря 1977 — скончалась в Вильнюсе.

КУЗНЕЦОВА Валентина (Антонина) Васильевна, родилась в 1897 в Санкт-Петербурге. Окончила гимназию. Проживала в Москве. Перешла в католичество; позднее пострижена в монахини с именем Антонина. 8 марта 1924 — арестована по групповому

делу. 19 мая 1924 — приговорена к 3 годам ссылки и отправлена в с. Инкино Нарымского. 9 мая 1927 — освобождена из ссылки с ограничением проживания на 3 года (-6). Проживала в Костроме, с 1930 — в Одессе, затем в Краснодаре, позднее в Ставрополе, с 1934 — в Тамбове. 1 февраля 1935 — арестована по групповому делу. 16-19 ноября 1935 — на судебном процессе оправдана и освобождена. Проживала в Малоярославце. В 1941 — арестована, приговорена к 3 годам ИТЛ и отправлена в Сиблаг. В 1945 — освобождена и вернулась в Малоярославец; с осени 1948 — в Калуге. 3 апреля 1949 — арестована по групповому делу за шпионаж в пользу Ватикана. 29 октября 1949 — приговорена к 15 годам ИТЛ и отправлена в Ангарлаг. 14 июня 1956 — освобождена из лагеря досрочно, поселилась у сестры в пос. Лесной Калининградской, с 1958 — в Вильнюсе в квартире сестер-доминиканок. 9 октября 1989 — скончалась в Вильнюсе.

РУБАШОВА Нора (Екатерина Сиенская) Николаевна, родилась в 1909 в Москве. В 1920-х — студентка МГУ. В апреле 1926 — приняла католичество, позднее пострижена в монахини с именем Екатерина Сиенская, участвовала в тайных богослужениях на квартирах. 15 февраля 1931 — арестована по групповому делу. 18 августа 1931 — приговорена к 5 годам ИТЛ и отправлена в Сиблаг. В 1936 — освобождена и выслана в Мичуринск, работала в ботаническом саду. Летом 1939 — освобождена и выехала в Малоярославец, вошла в общину сестер-доминиканок. В мае 1944 — выехала в с. Ново-Шульбу Семипалатинской для помощи сестре общины, работала в школе. С 1947 — вернулась в Малоярославец, с лета 1948 — в Калуге. 30 ноября 1948 — арестована по групповому делу. 29 октября 1949 — приговорена к 15 годам ИТЛ и отправлена в Воркутлаг, с 1954 — в Карлаге. В мае 1956 — освобождена, вернулась в Москву, работала в Исторической библиотеке, позднее на пенсии. 12 мая 1987 — скончалась.

СОЛОВЬЕВ Сергей Михайлович, родился в 1885 в Москве. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. С 1916 — литератор и научный работник, преподавал также греческий язык и литературу в университете. Учился в Московской православной духовной академии, в 1916 — был рукоположен и с 1919 — служил в Саратовской области. В 1920 — на Рождество принят в лоно Католической Церкви. В 1922 — сомнения в правильности выбора привели к возвращению в православие. В 1923 — после бесед с экзархом русских католиков Леонидом Федоровым вновь перешел в католичество. Занимался также и литературным творчеством, написав биографию В. Соловьева и другие произведения. С 1926 — назначен вице-экзархом русских католиков; священническое служение совершал без регистрации по причине малой группы прихожан, совершал также нелегально богослужения на частных квартирах. В ночь с 15 на 16 февраля 1931 — арестован по групповому делу общины русских католиков. Обвинялся в контактах с епископом Неве и получении от него денег для помощи заключенным католикам; вынужден был отказаться от священства (нравственные пытки стали причиной тяжелейшего нервного расстройства, тогда он и подписал самые тяжелые обвинения против себя и католической общины). 18 августа 1931 — приговорен к 10 годам ИТЛ с заменой на высылку в Казахстан. 7 октября 1931 — направлен на лечение в психиатрическую больницу; 23 октября выдан родственникам. 2 марта 1942 — скончался в Казани.

ЭЙСМОНТ Софья (Филомена) Владиславовна, родилась в 1900 в Вильно. Проживала в Москве. Окончила гимназию, поступила в консерваторию. Летом 1923 — перешла в восточный обряд и вступила в общину монахинь-доминиканок. 8 марта 1924 — арестована по групповому делу. 19 мая 1924 — приговорена к 3 годам ссылки и отправлена в с. Обдорск Нарымского, работала машинисткой в конторе. 9 мая 1927 — освобождена с запретом проживания на 3 года (-6). Проживала в Краснодаре, давала частные уроки музыки. 22 июля 1929 — пострижена в монахини с именем Филомена. Осенью 1930 — выехала в Одессу, затем — в Смоленск, с 1931 — в Москве, работала машинисткой в банке, с марта 1933 — в Рязани. 15 августа 1933 — арестована по групповому делу. 19 февраля 1934 — приговорена к 8 годам ИТЛ и отправлена в Бамлаг, со 2 февраля 1935 — в Ухтпечлаге, с 1938 — в Воркутлаге. 23 июня 1942 — освобождена с ограничением проживания на 3 года (-6). Проживала в Куйбышевской области, с 1943 — в Уральске, с марта 1947 — в Малоярославце, с апреля 1947 — в Калуге. 30 ноября 1948 — арестована по групповому делу. 17 августа 1949 — приговорена к 10 годам ИТЛ и отправлена в Тайшетлаг; позднее — в Ангарлаг. 3 ноября 1954 — освобождена досрочно и выслана в Казахстан. 26 мая 1956 — освобождена досрочно, выехала в мест. Майшогала под Вильнюсом к сестрам-доминиканкам, позднее — в Вильнюсе. 25 февраля 1993 — скончалась в Вильнюсе.